

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Камчатский филиал
Тихоокеанского института географии

ТРУДЫ

Выпуск VII

«Камчатпресс»
Петропавловск-Камчатский
2009

ББК 20.1
Т 78
УДК 016.577

Труды Камчатского филиала Тихоокеанского института географии ДВО РАН. Выпуск VII. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2009. – 300 с.

Сборник содержит научные статьи и сообщения, отражающие различные направления исследований КФ ТИГ ДВО РАН, выполненных в последние годы. Представленные в настоящем сборнике работы посвящены изучению структурно-функциональной организации, динамике и продуктивности наземных и водных экосистем Камчатки и прилегающих морей; разработку научных основ рационального природопользования в северо-западной части Тихого океана и методов эколого-экономической оценки антропогенной деятельности.

Сборник предназначен для экологов, биологов, экономистов, специалистов природоохранных организаций, а также может быть полезен при проведении комплексных эколого-экономических экспертиз.

Издано по решению Ученого совета Камчатского филиала
Тихоокеанского института географии ДВО РАН

Редколлегия:

к.б.н. А.М. Токранов (отв. редактор), О.А. Чернягина, к.э.н. Э.И. Ширков

Перевод на английский О.Н. Селивановой

ISBN 978-5-9610-0098-6

© Камчатский филиал Тихоокеанского
института географии ДВО РАН,
2009

О современных проблемах охотхозяйственного строительства на Камчатке

В.И. Филь, А.С. Валенцев

Организация охотничьего хозяйства Камчатской области вступило в очередную фазу развития – внутрихозяйственного устройства.

В прежние времена основными (юридическими) пользователями охотничьих угодий в пределах каждого из административных районов были государственные охотхозяйственные предприятия (госпромхозы). Позднее произошло «разгосударствление», и участки охотничьих угодий были переданы в аренду «юридическим лицам», номинально представляющим собой общественные, родовые и прочие объединения. Передача территорий и акваторий, именуемых охотничьими угодьями, обошлась без процессов приватизации в пользу производителей продукции – охотников-промысловиков. В результате множество участков попало в руки отдельных охотпользователей, изначально не объединенных единой производственной структурой. В то же время основные отраслевые средства производства остались в государственной собственности. Как следствие, об охотничьем хозяйстве в целом по стране (в том числе и на Камчатке) можно судить по оценке В. Кузякина (2006):

«...Охотничье хозяйство России, если оно вообще сейчас существует, находится в катастрофическом состоянии. Отрасль потеряла самостоятельность. Допущена и идет полным ходом обезличка охотничьих угодий, продажа их сомнительным «хозяевам». Предпринято множество попыток развалить в общем-то жизнеспособные системы охотпользователей. Уничтожена охрана охотфонда... Почти совсем разрушена охотоведческая наука и образование. Разграбление ресурсов и неумение управлять ими привели к серьезному их сокращению.

Управление ресурсами нуждается в теоретическом осмыслении. Отечественная охотоведческая наука, за исключением отдельных прорывов, «топчется» на уровне начала и середины прошлого века. Нехорошую службу оказала научная идеология лесоустроительного охотустройства, которая увела науку от зоологического ресурсоведения. Вероятно, пора осуществлять идеи О.К. Гусева – создавать

важный обобщающий раздел нашей науки – общее охотоведение, а также серьезное охотничье ресурсоведение...».

Можно по-разному относиться к тем или иным позициям данной оценки, но в общем она отражает фактическое состояние дел в отрасли.

МЕТОДИКА И МАТЕРИАЛЫ

Методические подходы в настоящей статье сконструированы на основе некоторых, появившихся в последние годы работ отечественных исследователей (Дунишенко, 2000; Кузякин, 2006), а также в результате сравнения их с действовавшими прежде методиками различных охотустроительных предприятий, рекомендаций специализированных исследовательских учреждений страны (ВНИИОЗ, Красноярский институт леса, Иркутский СХИ) и некоторых авторов (Скалон, 1957; Данилов и др., 1966). Материалы для анализа собраны авторами при экспертизе более 40 «экологических обоснований...» и «проектов внутрихозяйственного устройства...» для созданных предприятий.

Организация отрасли

«Владельцем» земельного фонда, покрытого лесами, акваторий, болот, тундры, гольцов, ледников и прочего от имени государства выступает орган исполнительной региональной власти.

В то же время «арендодателем» тех же самых угодий стали подразделения Рослесхоза. При этом арендная плата предъявлялась охотпользователю исходя из общей площади арендуемого участка, в то время как акватории, тундры, гольцы и прочие «необлесенные» территории не имеют абсолютно никакого отношения к лесному ведомству.

Субъектом, регулирующим, контролирующим правила использования ресурсов госохотфонда от имени государства, является Агентство по охране и использованию животного мира в Камчатском крае. Эта же организация взимает плату за пользование биологическими ресурсами.

В сложившейся ситуации необъясненной остается роль подразделений Рослесхоза в качестве «арендодателя» территорий, относимых к лесным, лесопокрытым и прочим землям и акваториям. Главное в составе основных средств – земля не является собственностью этого ведомства, а пользование лесом (дрова, стройматериалы и др., а в отдельных случаях даже сбор ягод) допускается только по дополнительным разрешительным документам.

Видимо, это результат стереотипных взглядов на охоту, рожденных в умах представителей лесной отрасли, как на один из видов побочного лесопользования, когда леса находились в распоряжении «лесников»,

а земли под ними еще были «навечно» отданы колхозам. Подразумевалось, видимо, – «крестьянам». Впрочем, существовали и «колхозные» леса. Позднее власти социалистического государства «опомнились». Многие колхозы превратились в государственные предприятия – совхозы. Землям был возвращен исходный «статус кво», а колхозники, т. е. крестьяне, были превращены в сельский пролетариат.

Вероятно, в аренду охотпользователям надо отдавать земли, а какие они (лесные или не лесные) – это совершенно неважно, лишь бы они соответствовали условиям пользования ими как «охотничьими угодьями». Но в таком случае арендодателем, взимающим соответствующую плату, должны быть учреждения исполнительной региональной власти или, что целесообразнее, – власти административных районов. Наличие или отсутствие леса определяет собой только потенциал условий для существования того или другого комплекса видов охотничьих животных. Фактическое состояние их ресурсов в количественном и качественном биоразнообразии всецело зависит от деятельности человека на том или другом участке территории, акватории.

Здесь необходимо отметить, что лес, как таковой, является продуктом многообразных процессов накопления и трансформации солнечной энергии на той или иной площади земель. Попутно за весь период выращивания леса эти же земли продуцируют значительные количества биомассы травянистых и иных растений, которые, в свою очередь, преобразуются в иные формы «таежных полезностей», в частности в продукты питания для человека (Скалон, 1957). Это всевозможные «дикоросы», мясо дичи, а также шкурки пушных зверей и т. д. В конечном счете общая стоимость продукции «побочного лесопользования», вероятно, значительно превышает цену выращенной деловой древесины. Кроме того, лесные экосистемы являются одним из генераторов кислорода воздуха. Эти моменты определяют приоритеты значимости леса для жизни населения той или другой местности.

Многие экономически развитые страны уже отказались от эксплуатации «своих» лесов с целью поставки древесины на экспорт. Они через систему транснациональных корпораций используют ресурсы других стран, в число которых входит и Российская Федерация из-за недальновидной экономической политики ее директивных органов. В то же время «там», например в странах Скандинавии, функционирует и собственная лесная промышленность, но в таких формах, что сбор «урожая» древесины не разрушает установившихся экосистем. Для этого найдены рациональные формы организации природопользования, лесопользования и т. д. в общей системе землепользования.

Исторически деление области на административные (ныне муниципальные) районы происходило на основе экономических интересов населения, его этнического состава, материальной культуры, духовных традиций, особенностей ресурсов жизнеобеспечения и множества иных

составляющих. С учетом всего этого, видимо, наиболее целесообразно было бы, если бы в качестве единого «юридического лица» – владельца охотничьих угодий на своих территориях были соответствующие районные муниципалитеты. Однако все сложилось иначе.

Охотпользование

Возможность получить в аренду участки охотничьих угодий имели только те хозяйствующие субъекты, которые обладали статусом «юридического лица». Они должны были удовлетворять условиям четкой государственной поднадзорности, иметь аппарат, обеспечивающий документальную взаимосвязь с ведомственными структурами финансового, статистического, природоохранного и прочих видов контроля.

Возможность охотхозяйственной деятельности для любого общественного объединения обуславливалась уставом ООО, ЗАО, РО и т. д., имеющими государственную и налоговую регистрацию в качестве «юридических лиц». Кроме того, каждое создаваемое охотхозяйственное предприятие обязано было доказать свою дееспособность наличием кадров отраслевых специалистов и соответственной материально-технической базой. Предприятие брало на себя обязательства соблюдать нормативы охотничьего, природоохранного законодательства и даже обеспечивать те, которые бы отвечали, как это трактуют работники лесного ведомства, условиям *«свободного сервитута»*.

Для первоначальной организации охотхозяйственного предприятия необходимо было иметь «паспорт охотничьего участка», «экологическое обоснование проекта» и согласование этих материалов с надзорными ведомствами. Среди них: 1 – Региональные подразделения Управления охотничьего хозяйства (ныне в составе Агентства по охране и использованию животного мира в Камчатском крае); 2 – Федерального агентства водных ресурсов; 3 – Рослесхоза и 4 – Администрации соответствующего муниципального района. Кроме того, проекты должны были «пройти общественное обсуждение». Последнее носило чисто «внутренний» характер либо «отменялось» решением главы муниципальных властей.

После этого материалы передавались на Государственную экологическую экспертизу. При положительном заключении ее администрация области, в соответствии с Постановлением губернатора, заключала договор сначала на краткосрочное (3–5 лет), затем долговременное (25 лет) пользование участком охотничьих угодий с тем или иным «юридическим лицом». Распределение охотничьих участков между различными пользователями осуществлялось на конкурсной основе.

Предприятию в качестве одного из предварительных условий для заключения договора на получение охотничьего участка было необходимо получить в аренду участки «гослесфонда» у «местного» ведом-

ства лесного хозяйства. Если такой договор не был заключен, то претендент на участок не имел возможности получить необходимые согласования надзорных организаций. Как мы видим, налицо столь широкое перераспределение организационных и управляющих функций между различными государственными ведомствами, что создается ситуация, соответствующая принципам *«разделяй и властвуй»* и в то же время – *«у семи нянек дитя без глазу»*. К настоящему времени появился прецедент, когда федеральными судебными инстанциями заключение договора охотпользователем на аренду участка «лесного фонда» признано необязательным.

Далеко не случайно практически все авторы, оценивавшие состояние охотничьего хозяйства в любом из регионов страны, отмечали неспособность государственных органов организовать эффективную охрану ресурсов. Это происходило вследствие несоответствия функциональных обязанностей организаций, имевших статус природоохранных предприятий, своему предназначению. В частности, к таким относились в том числе природоохранная прокуратура и подразделения милиции с соответствующими функциями. Даже лесная охрана, в чью обязанность вменена не только охрана леса, но и всех его обитателей, эту часть своих функций, в лучшем случае, игнорировала. Причина – почти полное отсутствие заинтересованности в предотвращении случаев нарушения законов по охране природы, а тем более правил производства охоты, т. е. в сущности – уклонение от исполнения обязанностей.

Во времена госпромхозов только они, да еще специализированные отряды «по борьбе с браконьерством», добивались некоторых положительных результатов. Однако в дальнейшем производстве возбужденные, в том числе и уголовные дела, разрушались на основе «телефонного права» и воздействий подобного рода через административные рычаги. Только штатные охотники, за которыми были закреплены угодья, умудрялись на своих участках избавляться от браконьерства (в пределах своих возможностей), если оно совершалось не представителями властных государственных структур (*начальства*) или с применением авиации.

Отсутствие закона об охотничьем хозяйстве и ликвидация центральной структуры управления отраслью (Главохоты РСФСР) обусловили перманентный, долговременный характер юридического и особенно фактического устройства отрасли. Кроме того, смена фактических пользователей (арендаторов) – охотников на (арендаторов) – «юридических лиц» определила административно зарегулированный уровень подходов (к сожалению, часто дилетантских) к развитию отрасли, что повлекло за собой уход из нее профессионалов охотников и специалистов-охотоведов. Отдельные этапы охотхозяйственного строительства проводились на уровне «кампаний». В результате:

- Получение участков охотничьих угодий – кампания.

- Получение лицензии на право пользования объектами животного мира на охотничье-промысловом участке – кампания.

- Внутрихозяйственное охотустройство на каждом участке «закрепленных» за кем-либо охотничьих угодьях – кампания, поскольку сроки на данное мероприятие ограничивались, а несоблюдение их грозило расторжением договора на право пользования участком. Более того, от имени соответствующей надзорной структуры обладминистрации охотпользователи получали напоминание, что «...*в противном случае договор будет расторгнут*». Этот момент повлек за собой тот же самый «кампанейский» подход при подготовке проектов внутрихозяйственного охотустройства. Он даже сказался при оценке этих проектов Государственной экологической экспертизой Росприроднадзора (по Камчатской области и Корякскому автономному округу).

Ранее образование участков охотничьих угодий, их привязка к топографической основе местности также превратились в своего рода кампанию, организованную на началах «руководящих» возможностей. При этом оценка экологической составляющей для ресурсов участка имела значение второго плана. Редко – учитывались потребности жителей населенных пунктов, а также особенности характеристик каждого участка для производственной деятельности фактических пользователей – охотников. Любая «кампанейщина» порождает в первую очередь дефицит во времени. Далее следует трафаретный подход к подготовке документов, как правило, с существенной долей небрежности.

Причины таких подходов кроются не только в непонимании самой сути «охотустройства», «специалистами» надзорных, согласовывающих и прочих директивных органов, но и многими охотпользователями – «юридическими лицами». Конечно, и в этом «правиле» имеются исключения.

Внутрихозяйственное устройство

Соответствующие методические и нормативные, справочные документы, опираясь на которые можно было бы подготовить проекты, пригодные для применения в целом и для каждого из отдельных охотхозяйственных предприятий, расплывчаты концептуально или же ориентированы на прошлую социалистическую действительность. Отсутствие четкой методической и нормативной базы повлекло за собой «изготовление» проектов охотустройства широким кругом разработчиков, с далеко не одинаковым, а в отдельных случаях с недостаточным уровнем подготовки или ее отсутствием.

Вероятно, универсальные документы, которые могли бы полностью удовлетворять нужды всех охотпользователей, создать нельзя. Особенно, если учесть опыт работ, имевшихся в стране охотустроительных экспедиций, отрядов и прочих организаций данного профиля. Но ведь

административные решения требуют не консультативные, справочные и рекомендательные документы для построения нормативов деятельности. Необходимы очередные *«галочки»* в реестре проведенных мероприятий как для тех, кто контролирует, регулирует и т. д., так и самим «охотпользователям» – руководителям предприятий: *«Лишь бы не отобрали участки»*.

Складывается впечатление, что создание проектов в единой схеме крайне сложно. Дело в том, что проект внутрихозяйственного устройства, как таковой, во всеобъемлющем его назначении нельзя создать даже с учетом всевозможных естественно-природных, экологических, социальных, экономических и других составляющих. Ибо в этом случае необходимо в статичной схеме отразить многообразие динамичных процессов, происходящих в окружающей среде.

Поэтому:

- С одной стороны, смысл внутрихозяйственного устройства заключается в постоянном, перманентном сопряжении, согласовании или, вернее, поиске компромиссов между деятельностью человека в процессе эксплуатации «охотничьих» ресурсов с особенностями их воспроизводства. Воспроизводственные процессы в естественных условиях изменчивы во времени, а их динамика не всегда предсказуема. В то же время не все, но в значительной части эти процессы поддаются управляющим воздействиям. В любом случае каждый проект – это эксклюзивный документ для того или иного отдельного участка охотничьих угодий.

- С другой стороны, организация трудового процесса человека – охотника на основе тех технологий, которые позволят с наименьшими затратами труда, времени и финансовых средств получить максимально возможный экономический результат при обязательном сохранении или увеличении воспроизводственного потенциала биологических ресурсов.

- Цель – достижение оптимальной биологической производительности каждого из используемых объектов (популяций, субпопуляционных группировок и т. д.).

Таким образом, проект внутрихозяйственного устройства можно рассматривать как рекомендуемую совокупность всевозможных технологических приемов, направленных на совершенствование деятельности человека на данном, конкретном участке угодий, как своего рода «бизнес-план». Фоном для разработки перечня действий вполне может быть «Проект экологического обоснования...» с количественной и качественной оценкой ресурсной базы.

Стабилизатор противодействия разрушительным влияниям на окружающую среду – проект ОВОС, но построенный на реальных, контролируемых посылах, а не на сводке в одном томе всех доступных справочных документов и виртуальных программ, касающихся проблемы.

Здесь целесообразнее было бы ограничиться оценкой объемов использования тех или иных энергоносителей (соляр, бензин, керосин, дрова, уголь и т. д.) для нужд хозяйства. В этом случае достаточным было бы «установить» норму применения технических средств (автотранспорт, снегоходы, мотопилы, электрогенераторы и пр.), а также рекомендовать технологические решения для утилизации отходов.

Проект должен предусматривать разработку действий, направленных на улучшение качественных и количественных характеристик популяций основных видов эксплуатируемых животных и среды их обитания. Не только как для объектов охоты, но даже для наблюдений за ними в процессе «экологического» туризма и т. п. Такого рода услуги в настоящее время представляются дефицитным и дорогим «товаром», безусловно, если имеется, **что показывать.**

Многие аспекты воздействия на популяции осуществляются опосредованно. Например, ограничением факторов беспокойства, созданием дополнительных защитных, кормовых стаций и т. д. В этом направлении многообразие действий необычайно. Все или хотя бы большинство из них трудно предусмотреть проектом даже в том случае, если он создан специалистами самой высокой квалификации.

Процесс охотустройства, распадаясь на благоустройство и оборудование участка угодий, длителен. Он требует хорошего знания местности, особенностей климатических характеристик, их динамики по годам, возможности прогнозировать урожайность отдельных видов основных кормов. Или заблаговременно хотя бы «диагностировать» распределение «урожая» на площади участка. Это позволяет предвидеть или хотя бы заблаговременно заметить особенности пищевых предпочтений у тех или других видов животных. Проследить за тенденциями в размещении объектов охоты по биотопам. Использовать наиболее эффективные технические средства для охоты с учетом отслеженных особенностей поведения и т. д. Все перечисленные фрагменты знаний необходимы только лишь «хозяину» конкретного участка охотничьих угодий для ориентации своей трудовой деятельности.

Таким образом, основным исполнителем охотустройства может быть только фактический пользователь ресурсов госохотфонда на угодьях. Он же «хозяин» определенного участка территорий и акваторий, а не мифический держатель лицензии на право пользования ресурсами в виде «юридического лица». Пусть он (в нашем случае охотник) будет хозяином на правах аренды, но на длительный срок и, возможно, с правом передачи своих полномочий по наследству. Лишать «хозяина» этих прав должно только через суд, по представлению надзорных организаций в случае невыполнения договорных обязательств, в первую очередь, из области природоохранного законодательства.

Именно этот вопрос не решен на законодательном уровне. Хозяин

есть, но в то же время его – физического лица, нет. Если есть, то, как правило, в качестве временного наемного работника. В этом случае без «хозяина», «владельца» – исполнителя рабочих процессов в едином лице (охотника-профессионала) любое дело превращается в типичную бесхозяйственность.

Длительный опыт работы на одном участке и критический анализ ситуаций позволяет охотнику прогнозировать многие изменения промысловой обстановки с долговременным или кратким опережением оценки ее состояния; встречать эти изменения во «всеоружии», даже в тех случаях, когда они вызваны критическими или катастрофическими явлениями природы. Например, «завальный» снегопад, с образованием рыхлого и устойчивого снежного покрова (пухляка). Или раннезимние паводки с выносом от верховий рек больших масс поверхностного и «донного» льда, плавника, прибрежных сплавин, длительного отсутствия снежного покрова и т. д. В таких случаях охотник может эффективно использовать нетрадиционные схемы добычи, например, для отлова соболя. В нашем собственном опыте работы на участках это была добыча зверьков при помощи специальных «следовых» капканов или с использованием ледовых плашек. В других – стандартных ситуациях применение этих ловушек неэффективно.

Естественно, при таком организационном «устройстве» территорий охотничьих угодий для развития отрасли на них не может быть соблюдена одна из декларативных «конституционных свобод» – «право на охоту» для любого гражданина страны. Этот момент стал одним из самых спекулятивных при разработке нормативов природопользования. Дело в том, что «свободная охота» возможна только на угодьях «свободного пользования», т. е. на тех, которые прежде относили в состав «государственного резервного фонда». В то же время возможность занятия спортивно-любительской охотой всегда определялась членством в обществе охотников и рыболовов, с непременной оплатой «охотпошлины» и, естественно, членского взноса. Таким образом, эта «свобода» в фактическом применении декларативна.

Для охоты на приписных угодьях требовалась разовая целевая путевка – сезонная или с установленным сроком действия. Их действительность регламентировалась только разницей в оплате, объемах «трудоучастия» и т. п. Для охоты в любых других хозяйствах были необходимы такие же или другие разрешительные документы. Регламент нагрузки угодий в приписных хозяйствах обществ охотников и рыболовов, военного общества охотников или спортобщества «Динамо» обычно не соблюдался, особенно в первые дни охотничьего сезона. Как результат – *«охотников больше чем дичи»*, а следствие – неорганизованность, массовые нарушения правил, и не только охоты. За ними следовало – истребление «всего живого». Да и сама охота превращалась в своеобразный алкогольно-разгрузочный «уик-энд». В конечном счете все это породило подход

к ресурсам госохотфонда как к «нашему», общему, т. е. «ничейному».

Исключение из этого ряда до начала второй половины прошлого века было для тех, кого относили к коренным малочисленным народам Севера (КМНС). Для них охота наряду с рыболовством, оленеводством и промыслами таежно-тундрового природопользования были основными отраслями жизнеобеспечения. Охотничьи или рыболовецкие угодья, олени пастбища или места сбора дикорастущих трав, плодов, корневищ и пр. в какой-то мере даже в колхозах и совхозах Севера сохранялись за ними как полигоны жизнедеятельности. Соблюдались многие семейные, родовые предпочтения на основе «пережитков» обычного права. Действовали совершенно другие организационные общественные (подзаконные) системы, разрушение которых привело к катастрофе в укладе жизни, быта, да и фактической потере самобытной национальной материальной и духовной культуры этих народов.

В данном случае эта сторона дела не рассматривается, поскольку она – проблема иного уровня. Ее должны были решать соответствующие структуры государства, но в процессе «капитализации» нашего общества они от этого устранились, а «возвращение народам (КМНС)» их прежних земель даже в качестве охотничьих, рыболовецких угодий, оленьих пастбищ и т. д. пошло на основе «олигархической приватизации».

У «коренных» охотников-профессионалов, оленеводов, по совместительству и рыбаков, совершенно иной уровень материальной и духовной культуры. В своей массе они не обладают теми необходимыми, в том числе и юридическими знаниями, которые позволили бы им организовываться в общественные структуры для получения статуса «юридических лиц». Для этих людей необыкновенно велико значение организующей роли представителей государственных структур. Становление всевозможных ООО, РО и иных объединений в качестве «юридических лиц» прошло под организационным влиянием «бывших» и действующих поныне государственных, партийных чиновников, получивших доступ к капиталу и сохранивших корпоративные возможности влиять на распределение и «захват» территорий. Таким образом, многочисленные ООО и РО стали своего рода ширмой или вывеской для отдельных «сомнительных хозяев» (по: В. Кузякин, 2006).

Описанная выше ситуация с «охотустройством» в широком толковании этого понятия свойственна видимо не только для Камчатского края. По оценке одного из специалистов биологов-охотоведов, работавшего в администрации Корякского автономного округа, около половины ООО или РО стали ширмой под вывеской «юридических лиц» для отдельных «бизнесменов», «аутфиттеров», подвизающихся в области охотничьего трофейного туризма, скупки и реализации пушнины. Действуют они, как правило, инкогнито, занимая те или другие должности в структуре государственного или хозяйственного управления региона,

страны. Эти лица, как правило, нацелены на быстрое получение прибыли от своего «бизнеса» за счет добычи наиболее привлекательных особей в составе популяции, обеспечивающих высокую доходность. Такой путь развития приводит к истощению, а нередко и к истреблению ресурсов (Уатт, 1971).

Далеко не случайно создается критический дисбаланс с возрастным и половым составом в структуре популяций, а соответственно, и численностью отдельных, наиболее привлекательных объектов для трофейной охоты среди таких видов, как лось, снежный баран, дикий северный олень и медведь. Это результат «снятия сливок» в погоне за сегодняшней максимальной прибылью.

Фактически если те из немногих штатных охотников госпромхозов или специалистов-охотоведов стали охотпользователями – «юридическими лицами», то только предварительно создав рыбопромысловые, торговые или иные доходные предприятия. Другие, чья деятельность ограничивалась интересами охотхозяйственных отраслей, уступили «свое место» более обеспеченным в материальном отношении лицам.

Процессы получения участков для «охотничьей» деятельности, лицензий на право пользования охотничьими животными, составление «Экологических обоснований» да и проведение государственной экологической экспертизы оказались довольно дорогими. «Не по карману» отдельным «физическим лицам» – бывшим штатным охотникам госпромхозов. В лучшем случае они остались в качестве временных наемных рабочих у новых «юридических лиц» или были вынуждены уйти из отрасли.

Даже если некоторые охотники могли пройти все «препоны» на своем пути к «владению» участком охотничьих угодий, то на заключительном этапе процесс стопорился при прохождении конкурса. Краевая конкурсная комиссия образована из депутатов краевого «Совета народных избранников», руководителей различных ведомств и компаний. Включались в нее и руководители двух-трех ведомств, имеющих прямое или опосредованное отношение к охотничьему хозяйству. При рассмотрении дел на комиссии предпочтение отдавалось тому, кто лучше, пусть даже внешне, оформил материалы. Безусловно, действовали факторы, скрытые от оценок извне, не исключая коррупцию. Мнения специалистов часто оставались за пределами общего внимания, или скорее – понимания.

В итоге многие участки оказались в руках тех «юридических лиц», которые имели влияние на «ход событий». Обоснование действий для получения участков охотничьих угодий в аренду у этих «юридических лиц» происходило по типичным сценариям «пиар-кампаний», характерных для выборов в органы власти. Как пример можно рассматривать получение охотничьих участков такими ООО как «Ипуин» или «Белкамтур».

ООО «Балуй» вероятнее всего для получения двух участков на склонах Никольского хребта в междуречье Толбачика и Щапиной представило проект организации фермы по разведению и содержанию мара-

ла. Этот проект сразу же после получения двух участков был «забыт». Для «охраны» и охоты на лося руководство ООО «Балуй» в поселке им. Лазо содержит автомашину «УРАЛ», оборудованную кунгом, со стрелковым люком на крыше. Отстрел лося проводился с использованием автомашины и с применением для охоты автоматического оружия типа «АК». В результате такой «охранной деятельности» численность лося на участке ООО «Балуй» резко уменьшилась даже за последние 2–3 года. Теперь звери здесь встречаются лишь единично.

Отмечается и «*перераспределение собственности*». В Мильковском районе ООО «Ипуин» сумело получить в аренду 6 участков в бассейне реки Щапиной и ее окрестностях. На территории этих участков находятся одни из самых лучших угодий района как для организации пушной охоты, так и «зверовой», с уклоном на добычу «трофейных» особей лося, снежного барана, медведя. От имени ООО «Ипуин» в качестве его директора выступала Т.Н. Гиренко, в прошлом одна из руководителей района, а затем директор госпромхоза «Мильковский». Вполне понятно, каким образом «Ипуин» сумел получить такое количество участков. Последние «агентурные» данные конфиденциального порядка отмечают, что упомянутая выше «хозяйка» «Ипуина» уже не хозяйка, а очередная ширма «*для новых «хозяев» из Москвы*». Очень хотелось, чтобы эта информация оказалась недостоверной.

Вполне возможно, что «захват» участков охотугодий рассматривается представителями «олигархического капитала» как вложение средств на долгосрочную перспективу, с прогнозированием последующей возможности получить в собственность земли этих участков.

В такой ситуации рассматривать перспективы положительного развития охотничьего хозяйства края приходится с большими допущениями. Еще в начале второй половины прошлого века одним из препятствий на пути развития отрасли рассматривалась «*обезличка в фактическом пользовании*» угодьями. Все отрицательные стороны этого явления понятны. Преодолеть их можно, но только в том случае, когда наряду с пользователем – «юридическим лицом» на каждом конкретном участке будет и **фактический пользователь**, он же охотник-профессионал. Статус его в системе охотпользования должен быть определен юридическими нормами и не только на региональном уровне, а желательно – на федеральном.

Заменить «юридические лица» в виде общественных структур на «физические лица», наверное, нельзя, потому что этот процесс будет рассматриваться как очередной передел собственности. Следовательно, необходимо устанавливать особый, жесткий регламент взаимоотношений между организациями – «юридическими лицами» и фактическими пользователями – охотниками. Здесь без диктата властных, в частности законодательных, структур не обойтись.

Сделать охотника действенным во взаимоотношениях между госу-

дарством (всевозможными надзорными, регулирующими, управляющими и иными структурами) «юридическим лицом» и «физическим лицом», видимо, довольно сложно. Но нет ничего невозможного, если представители государства осознают, что только один человек – охотник, работающий на «своем» участке неопределенно или определенно длительное время, способен рационально использовать и охранять ресурсы своего жизнеобеспечения. Естественно, для этого он должен иметь государственные гарантии, права, в том числе и право собственности хотя бы на дополнительную долю продукции, полученной в результате вложения своих средств, труда и знаний.

Однако представители государства, можно читать чиновники, никогда не способствовали физическим лицам (частникам) добиваться своей независимости и благополучия. Это и понятно. Независимому человеку, свободному в своих действиях и собственнику произведенной продукции (продукция в данном случае не только добытый зверь, но и выращенный, живой), нельзя диктовать установки «свыше» и обдирать его как липку. Это с позиции чиновничества непозволительно. Поэтому без коренных изменений в системе управления «экономического чуда» в области охотничьего хозяйства в ближайшей перспективе нашего региона ожидать не приходится.

Выводы

Современную структуру «общего охотустройства» и «внутрихозяйственного» устройства охотхозяйственных предприятий на участках охотничьих угодий нельзя признать удовлетворительной для гармоничного развития отрасли. Причин этому много. Одна из них заключена в том, что продукция охотничьего хозяйства в общем объеме производства регионального валового продукта сравнительно невелика. Ее долевое участие в валовом национальном продукте незначительно для государственных масштабов, даже с учетом изменения приоритетов ценовой политики. Государство устранилось от участия в развитии отрасли, а предпринимаемые им реформы, как правило, приносят в отрасль только разрушительные воздействия в структуру управления. На развитие охотничьего хозяйства в сфере «туристского бизнеса» изначально губернатором области было наложено своеобразное вето, когда он оценил эту отрасль фразой, что *«нам два цента чаевых от туристов не нужны»*. Правда, в последнее время эта «установка» несколько изменилась.

Следствием «разгосударствления» отрасли («хозяевами» отдельных охотничьих участков номинально стали различные общественные организации – «юридические лица»). Фактически право собственности на основные фонды отрасли осталось в руках многочисленных государственных структур в «вертикалях» власти, функционально разобщенных между собой. Долгосрочные лицензии на право пользования объ-

ектами животного мира на охотничьих участках, выдаваемых «охотпользователям», имеют декларативный характер. Собственностью охотпользователей законодательно являются только трофеи, добытые на основании дополнительных путевок, разрешений (лицензий).

От новой организационной системы отрасли были отстранены профессиональные кадры охотников и охотоведов. Корпус специалистов-охотоведов оказался разобщенным во взаимодействии с охотпользователями. Охотоведы в структуре Россельхознадзора сохранили за собой только функции мониторинга ресурсов, контроля, распределения и согласований. Эта структура оказалась излишне централизованной. Причем «последнее слово» в отношении охотничьего хозяйства там принадлежит аппаратчикам – ветеринарам, ихтиологам, «фитосанитарам», но не специалистам-охотоведам. Таким образом, влияние специалистов на функционирование отрасли сведено до минимума.

Заключение и рекомендации

При оценке перспектив любого дела обычно рассматривают две позиции – Кто виноват? и Что делать? В нашем случае о первой упоминать не следует – она очевидна. Вторая реализуема лишь в том случае, если декларативный «хозяин», т. е. «юридическое лицо» ООО, ЗАО, РО или любое иное, будет «играть по правилам» четкого распорядка, что касается использования ресурсов охотничьего фонда.

1. К настоящему времени определились несколько направлений охоты (спортивно-любительское, спортивно-трофейное, пушное – «промысловое», созерцательно-экологическое и несколько вариантов их сочетаний). «Правила игры» в каждом случае для любого отдельного хозяйства должны быть адаптированными к их направленности. Этот момент учитывается при реализации программ благоустройства и оборудования охотничьих угодий и должен быть определен проектами внутрихозяйственного охотустройства. Но это при одном обязательном условии – каждый из охотничьих участков должен быть «закреплен» за одним или несколькими «штатными» охотниками (в зависимости от производственной емкости угодий) на весь срок аренды соответствующим «юридическим» лицом. Это в случае «промысловой» ориентации хозяйства, участка. Для других направлений развития охотничьего хозяйства (спортивно-любительского, трофейного, «экологического» и их сочетаний) необходимы иные нормативы внутрихозяйственного устройства.

2. В силу различий собственных интересов на фоне единого – **получения прибыли**, системно «юридические лица» разобщены. У них в штатах, как правило, реально отсутствуют отраслевые специалисты – охотоведы. В этих условиях организовать работу, чтобы ежегодное изъятие особей из популяций охотничьих животных не разрушало производственный потенциал их, невозможно. Даже в том случае, если

регулирующие воздействия охотхозяйственной управляющей структуры будут действовать в оптимальных вариантах. Следовательно, необходимо по крайней мере в каждом административном муниципальном районе объединить всех охотпользователей – «юридических лиц» в единую систему. Но в таком случае право системного управления отраслью надо передавать властям этих районов.

Более целесообразным выглядит объединение всех охотпользователей в единой региональной структуре (союз охотпользователей). Здесь надо учитывать, что популяции животных не всегда статичны на местности и разработка схем управления популяциями (и особенно внедрение их в действительность) возможны в рамках ареала каждой из естественных субпопуляционных подразделений или же всей популяции. В этом случае создание и реализация проектов внутривладельческого охотустройства выглядит более реальным, менее зависимым от нежелательных воздействий ведомственного подхода государственной структуры управления и т. д.

Объединение охотпользователей в единый союз позволило бы организовать на консолидированной основе из имеющихся специалистов-охотоведов проектную группу (отряд, коллектив) для разработки:

а. Проектов охотустройства;

б. Региональных программ действий по управлению популяциями отдельных, наиболее значимых видов охотничьих животных с целью оптимизации биологической производительности и с последующей максимизацией продуктивности охотничьих угодий.

В заключение необходимо отметить, что реальная охрана ресурсов госохотфонда никак не может быть рассматриваема за пределами управления популяциями. Она возможна лишь тогда, когда охотпользователи будут охранять свое, а не чье-то – «наше» или «государственное», т. е. «ничье». Многолетний опыт охранной деятельности по защите ценностей в виде всеобщей собственности многочисленными государственными ведомствами отражает мнимую значимость их действий, а результаты, как следствие, – виртуальны.

ЛИТЕРАТУРА

- Данилов Д.Н., Русанов Я.С., Рыковский А.С., Солдаткин Е.И., Юргенсон П.Б. 1966. Основы охотустройства. М. : Лесная промышленность. 331 с.
- Дуниченко Ю.М. 2000. Ловцам охотничьей удачи. Хабаровск : Издание WCS. 192 с.
- Кузякин В. 2006. Что показала экспертиза // Охота и охотничье хозяйство. № 6. С. 1–4.
- Скалон В.Н. 1957. Организация охотничьего хозяйства Сибири. Иркутск : Иркутское книжн. изд-во. 84 с.
- Уатт К. 1971. Экология и управление природными ресурсами. М. : Мир. 271 с.